

БИБЛЕЙСКИЕ И ИНЫЕ ТЕКСТОВЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ¹

© 2004 Ю.Т. Листрова-Правда

Воронежский государственный университет

В настоящей статье обобщаются наблюдения автора над отбором и использованием текстовых, прежде всего библейских, реминисценций в русской литературной речи на протяжении XIX и XX веков, а также материалы нескольких кандидатских диссертаций, подготовленных и защищенных в последние годы на филологическом факультете Воронежского государственного университета (С. Оноприенко “Библеизмы современного русского языка” [20], Е. Прибытько “Библеизмы в языке современных газет” [21], Е. Черногрудова “Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике” [33]).

Под текстовыми реминисценциями понимаются “точные, а также преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным — ранее произведенным текстам в составе более позднего текста” [29, 17]. Текстовые библейские реминисценции в русской литературной речи стали предметом активного изучения в последнее десятилетие в связи с развитием теории прецедентности. В большинстве же ранее проведенных исследований использовался термин “библеизм”, которым обозначают обычно слова, устойчивые сочетания слов и более крупные отрезки текста, прямо или косвенно восходящие к тексту Библии (или библейским сюжетам) [16, 75-76]. В данной статье оба термина используются в качестве синонимов.

В последнее десятилетие XX века и начале XXI века лингвисты отмечают активное употребление крылатых слов, фразеологизмов, прецедентных текстов, “говорящих имен и названий” [10, 37], восходящих к известным произведениям литературы, искусства. Данное явление объясняют тем, что современная отечественная культура не

склонна к текстопорождению. В дискурсах различных слоев общества налицо тенденция к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи, к осмыслению и компиляции текстов других культур [23, 5]. Библия — один из таких текстов.

Длительное подавление авторитета Библии в советское время в России стало также одной из причин, приведших к тому, что после изменения в обществе отношения к религии Библия стала одним из популярнейших источников цитирования и в светской жизни. И поскольку язык современных газет наиболее чутко и быстро реагирует на все изменения в жизни общества и “может служить зеркалом современной жизни” [7, 23], то именно язык современной газеты стал объектом изучения многих лингвистов. Исследователей интересовало, какие библеизмы журналисты вводят в свои материалы, как их трансформируют, в каких функциях используют в текстах разного содержания и жанра.

Надо отметить, что библеизмы стали употребляться еще в текстах Киевской Руси с того времени, как на Русь пришло христианство и появился первый перевод Библии с греческого языка на церковнославянский язык. Обширные фрагменты библейского текста включались в церковную службу и в богословскую литературу, а затем в тексты светского характера; некоторые из них трансформировались, став пословицами и поговорками русского народа. Много позднее, в 1876 году, был сделан перевод Библии и на русский язык, и у нас стало две национальных Библии: на церковнославянском языке — языке богослужения — и на русском языке, так что в текстах отсылки стали делаться к обеим Библиям.

Был период, когда в русской литературной речи широко использовались библеизмы и на западноевропейских языках. Это было в XIX и начале XX века. Как считает акад. В. В. Виноградов, история русского литературного языка “в значительной мере определяется историей переводов с

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на международной конференции “Мир идей и взаимодействие художественных языков в литературе нового времени” 17 декабря 2003 г. в Воронеже.

иностранных языков” [4, 198]. Эту мысль развил Р. А. Будагов, заметивший, что иногда “переводы обгоняли литературные языки, иногда они следовали за их развитием, но во всех случаях находились многочисленные контакты, определявшие формы взаимодействия между языком различных переводов и литературным языком этой же эпохи [2, 281–282].

В широко распространившихся в России в XVIII и XIX вв. произведениях западноевропейских писателей, философов, ученых часто употреблялись иноязычные вкрапления, в том числе библеизмы, на латинском, немецком, французском, английском, итальянском языках. Русские переводчики обычно сохраняли в переведенных текстах эти иноязычные вкрапления, которые затем использовались и в оригинальных русских текстах — художественных, публицистических, научных.

В заслугу А. С. Пушкину ставят то, что он заложил основы современного русского литературного языка и высвободил национальную русскую мысль “из-под гнета условных “приемов”, и это обеспечило вступление русского языка как равноправного члена в семью западноевропейских языков” [5, 294]. Широко используя в своем творчестве иноязычные вкрапления — цитаты из произведений мировой литературы, в том числе из Библии, и другие виды текстовых реминисценций, Пушкин выработал также и принципы отбора и использования иноязычных вкраплений как стилистической категории русской литературной речи, и эти принципы получили дальнейшее развитие в творчестве русских писателей-классиков; им следовали вплоть до Октябрьской революции, а некоторым из них следуют и в наши дни (подробнее об этом см. [11, 12, 19, 22]). Так, в Словаре иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (Л., 1987) помещено около 2000 иноязычных вкраплений, в том числе свыше 140 иноязычных вкраплений-библеизмов, извлеченных из переводных и оригинальных русских текстов, изданных в России преимущественно в конце XVIII — начале XIX вв.

Однако поток иноязычных вкраплений-библеизмов, хлынувших в XIX в. в русскую литературную речь из текстов на западноевропейских языках, встретил на своем пути не менее мощный поток библеизмов, входивших на протяжении многих веков в русский язык из других источников — Библии на церковнославянском и Библии на русском языках. Так, во Фразеологическом словаре русского языка конца XVIII—XX вв. под ред. А. И. Федорова помещено значительное число библейских выражений, ставших фразеологизмами русского языка, употребление которых иллюстрируется примерами из многих произведений писателей XIX в. Н. А. Некрасова, Н. В. Гоголя,

А. Н. Островского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, а также из произведений русских ученых и публицистов. Однако лишь часть из них соотносительна с иноязычными вкраплениями-библеизмами, помещенными в названном выше Словаре иноязычных выражений и слов: *всему свое время, поцелуй Иуды, Каинова печать, краугольный камень, шатия и братия, козел отпущения, в начале было слово* и др.

Русских фразеологизмов и афоризмов библейского происхождения, по данным словарей XIX века, было в два раза больше, чем иноязычных вкраплений-библеизмов. К тому же на русской почве некоторые библеизмы приобретали смысл, отличный от смысла иноязычных вкраплений-библеизмов. Так, на немецком языке библеизм *Babylonische Sprachverwirrung* сохраняет библейский смысл (“вавилонское смешение языков”), в русском же языке этот библеизм имеет значение “неразбериха при большом стечении народа” (видимо, имеет место явление народной этимологии: *столпотворение* ассоциируется с *толпой*). Интересно отметить, что использовался этот библеизм на немецком языке в русских текстах в том значении, какое он имел в немецком языке: *Вернувшись после долгой отлучки, дядя застал в семье Babylonische Sprachverwirrung*. Сын не ладил с матерью, а сестры между собой — пример взят из Словаря иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова.

Библеизм же *архангел* в просторечном ироническом употреблении — это жандарм, полицейский в царской России. На основе библейских образов в русском языке сформировались библеизмы с национально-культурной спецификой значения, косвенно связанные с текстом Библии: *Андреевская лента, Андреевский флаг, Звезда Андрея Первозванного, Андреевский крест, Андреевская горка, Храм Христа-Спасителя*, и др., которые, разумеется, не имели смысловых аналогов в других языках.

Иноязычные вкрапления-библеизмы имели в русской литературной речи сверхкнижную стилистическую окраску и выполняли не только номинативную, но и так называемую престижную функцию, делали речь подчеркнута изысканной, о чем свидетельствуют следующие примеры из Словаря иноязычных вкраплений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова: *...Я сказал, в чем дело, отчего Россия guter Hoffnung sein, а Европа в импассе*. Герцен. Статья из “Колокола” 1869 г. (Библейское выражение “пребывать с благоприятными видами на будущее”); *В моем сердце живет ненависть, и это — не ненависть ко злу, а любовь к себе, и ничего больше. Ein wenig Sauergfeig verdirbt das ganze Feig*. М. Гершензон. Любовь Н. П. Огарева. (Библейская цитата “Малая закваска квасит всю опару”).

Многие же русские библеизмы имели нейтральную и даже разговорную стилистическую окраску (*Фома неверующий, блудный сын, бить себя в грудь, ни на йоту, наобум лазаря* и др.), хотя было немало книжных библеизмов, прежде всего с архаичными элементами (*вложить персты в язвы, возвращается ветер на круги своя, благуя часть избрать, притча во языцех, темна вода во облацех, несть пророка в отечестве своем* и др.).

Таким образом, в XIX – начале XX вв. носителям русского литературного языка предоставлялась возможность широкого выбора из соотносительных по смыслу библеизмов на русском и западноевропейских языках. Образованные русские билингвы и полилингвы широко употребляли иноязычные вкрапления, в том числе и библеизмы на иностранных языках, в научных, философских, публицистических работах, в выступлениях на юридические темы. Много их, в частности, было в выступлениях знаменитого адвоката Кони.

В художественных же произведениях русских писателей иноязычные вкрапления-библеизмы употреблялись крайне редко и вводились автором, как правило, в речь персонажей. Так, в романе “Анна Каренина” Л. Толстой в качестве эпиграфа использовал библеизм *Мне отмщение и аз воздам* на церковнославянском языке, а не на латинском, как он дан в Словаре иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендцова. Нередко персонажи художественных произведений приводили фрагменты русской или церковнославянской Библии в своем изложении, с использованием разных видов текстовых реминисценций (квазицитаты, аллюзия, упоминание, продолжение). Эти же виды библейских реминисценций, не считая полных цитат, нередко использовались в частной переписке и мемуарах представителями образованных слоев русского общества, а также в научных и публицистических работах и в выступлениях адвокатов.

Положение в российском обществе резко изменилось, как известно, после Октябрьской революции. В русской литературной речи продолжали употребляться, потеряв связь с Библией, библеизмы, ставшие фразеологизмами или пословицами русского языка (*соль земли, краугольный камень, ни на йоту, кто не работает, то не ест, бить себя в грудь, власть тьмы, во главу угла, волк в овечьей шкуре, капля в море, изливать душу* и др.), а иноязычные вкрапления-библеизмы использовались изредка лишь в художественном творчестве отдельных писателей, поэтов и в работах ученых, получивших образование еще до революции (К. А. Тимирязева, Л. Леонова, А. Ахматовой, М. Цветаевой и др.). В приложении же “Иностранные слова и выражения” к Толковому словарю русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, где

даны иностранные слова и выражения, которые “все-таки можно встретить в печати также и в иностранном написании”, иноязычные вкрапления-библеизмы отсутствуют.

В советский период практически перестали использоваться библеизмы на русском языке с архаичными элементами, а в тех, которые все же употреблялись, архаичные элементы заменяли на современные: *нет (из несть) пророка в отечестве своем; рвать одежды на себе (из разорвать на себе ризы); Иудин поцелуй (из лобзание)*. Стали редкими и библеизмы с именами собственными (*жена Лота, Иов многострадальный* и др.).

Однако несмотря на гонения самой Библии, некоторые библеизмы стали лозунгами строителей социализма: строчка “*Кто был ничем, тот станет всем*” в “Интернационале” восходит к Евангелию от Матфея (20, 16), где сказано: *будут последние первыми, и первые последними*; лозунг “*Кто не работает, тот не ест*” — из 2-го апостольского послания (2 посл. к фес. 3, 10), где сказано: *Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь*; лозунг “*Кто не с нами, тот против нас*” — от высказывания Христа: *Кто не со Мною, тот против Меня* (Матф. 12, 30); “*Ученье — свет, а неученье — тьма*” — от слов Екклесиаста: “*Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою*” (Еккл. 2, 30) и др. На эти библейские афоризмы “гонения” не распространялись.

Таким образом, библеизмы в советский период быстрее, чем раньше, отдалялись от первоисточника, больше стали зависеть от современного контекста и от того, как понимали и трактовали их современные носители языка, что привело к расширению сферы употребления некоторых из них при общем сокращении численности.

В постсоветский период на рост состава библеизмов, частоту и характер их употребления повлияло не только становление церкви как общественного института, но и идеологический кризис в стране, который вылился в поиск новой идеологии. Многие люди увидели выход в обращении к Богу и стали сравнивать катаклизмы, происходящие в обществе, с библейскими. В этот период в газетах наиболее употребительными становятся библеизмы *конец света (апокалипсис), Голгофа, идти на Голгофу, Содом и Гоморра, смертный грех, золотой телец, вкусить запретный плод, власти предержащие, вавилонское столпотворение, возвращается ветер на круги своя, сильные мира сего, страшный суд, второе пришествие, манна небесная, переполнилась чаша терпения, нести свой крест, злачное место, анафема* и др. Стали чаще употребляться библейские собственные имена Иуда, Ирод, Левиафан, Хам, например: *Левиафан постоянно именуется свою страну Солженицын*

[26]; *Анафема, анафема тебе, распявшему огромную державу — далеко от Москвы звучат строки ярославского поэта Гусева* [28]; *Увы, Иуды не имеют пола, они живучи, как тараканы* [18]; *Автор пыжится доказать, что это “вовсе не злчное место”, что стриптиз — такое же искусство* [24]; *Православные кладбища оскверняют и сравнивают с землей, а православных людей убивают, пытаются и ведут на Голгофу за то, что остались верны своей вере* [30].

В современной литературной речи, в первую очередь в языке газет, наряду с фразеологизмами и афоризмами библейского происхождения стали употребляться и любые более или менее устойчивые сочетания слов и отдельные слова, восходящие к библейским текстам, а также цитаты из Священного Писания с указанием на библейский источник (последние характерны для религиозных газет). Но в светских газетах преобладают библеизмы-фразеологизмы, отраженные в словарях русского языка, и лишь 20 % библеизмов, представляющих собой цитаты или квазичитаты, выступающие в качестве библейских текстовых реминисценций, были не представлены в словарях русского языка. Такие выводы делает Е. Н. Прибытько после рассмотрения библеизмов в центральных газетах конца 90-х годов XX века в своей кандидатской диссертации [3], где отмечает также, что в религиозных газетах тех же лет текстовых библейских реминисценций было использовано в несколько раз больше, чем в светских газетах, и только 40 % библеизмов было отражено в словарях русского языка. В газетах около половины отсылок было сделано к Новому завету, около 30 % — к Ветхому завету, а 14 % — к Ветхому и Новому завету.

В светских газетах многие библеизмы, выступая в переносном значении в качестве образных средств, выполняли номинативную функцию, передавали информацию нестандартно, с наибольшей точностью, экспрессивностью: их привлечение во многих случаях доставляло эстетическое наслаждение как автору, так и читателям, а главное — они помогали понять позицию автора, тот глубинный смысл, который в них был заложен, например: *“Нынешние “демократические” язычники поклоняются одному единственному идолу — золотому тельцу* [29]. Как объясняет смысл этой фразы Е. Прибытько, “по Библии, языческому идолу, отступив от Иеговы, молились в пустыне евреи, отдавая тем самым приход к “земле обетованной”. Для автора газетного текста важно не только то, что люди, наделенные властью, поклоняются “золотому тельцу” — деньгам, но и то, что, поклоняясь американскому доллару, они — “демократические” язычники — отдаляют процветание родной страны. Именно поэтому, осуждая,

автор сравнивает их с отступниками, “язычниками” [21, 86].

В номинативной функции используются текстовые реминисценции (цитаты, квазичитаты, упоминания) в заголовках статей, служа средством привлечения внимания читателей, например: *Посеявший ветер пожнет бурю* [25]; *Экстремисты — имя им легион* [17]; *Лотова жена* [14].

В отличие от светских газет, где библейские текстовые реминисценции чаще всего используются для передачи негативных реалий и их оценок, в религиозных газетах библеизмы в номинативной функции вводятся для выражения высоких чувств и мыслей, например: *Из года в год приходит в нашу жизнь немеркнущий свет Вифлеемской звезды, воссиявшей однажды в далекой Палестине и поныне путеводящей ко Христу всех ищущих спасения* [6].

Следует также отметить, что в основном библеизмы в религиозных газетах употребляются в прямом библейском значении и во многих случаях используются в персуазивной функции (убеждения), например: *Завершая, напомним слова Спасителя: Жатвы много, а делателей мало, итак, молитесь Господина жатвы, чтобы Он выслал делателей на жатву Свою* (Матф. 9, 37-38). *Призываю все богословские школы к сотрудничеству на ниве Господней* [31]. В текстах современных светских газет авторы тоже ссылаются на библейские тексты для подтверждения своих мыслей, но делают это намного реже — обычно тогда, когда соотносят современные события с библейскими, хотя в религиозных газетах такой способ убеждения используется часто. В светских газетах библеизмы выполняют функцию убеждения не прямо, не так, как в религиозных газетах, а завуалированно; многие библейские положения подаются в них как нравственные общечеловеческие ценности.

Библеизмы в людической функции (как языковая игра) используются исключительно в светских газетах, так как в основе языковой игры — установка на комический эффект или на развлечение автора и читателя, что неприемлемо для религиозных газет. В людической функции часто выступают квазичитаты, например: *Соль земли, соль в земле* (подзаголовок одной из частей статьи в разделе об экологии, в который говорится о вреде посыпания солью, химикатами, “всякой дрянью” дорог Москвы зимой [3]; *Жир наш насыщенный* (заголовок статьи, в которой в комическом тоне повествуется о новой “национальной идее — похудеть”) [8]. Языковая игра с библеизмами иногда выходит за рамки допустимого, когда не щадятся религиозные чувства верующих, например: *С полуулыбкой прелестницы передают друг другу благовест — любимой прокладки появились крылышки* [13].

Из видов библейских реминисценций в светских газетах чаще всего используется цитация, упоминание, квазицитация, а также аллюзия, например: *Мне тридцать три. Я жив. Ииу Иуду*, реже — продолжение. Иногда авторы используют в одной фразе несколько способов апелляции к Библии, например аллюзию и упоминание: *Надо учиться собирать налоги. Надо учиться платить налоги. Нечто подобное мы уже читали в Екклезиасте, только речь там шла о камнях* [1]. В религиозных же газетах чаще используется прямая цитация (около двух третей всех примеров) и упоминание (около трети примеров). Случаи квазицитации немногочисленны, а примеры продолжения в религиозных газетах, рассмотренных в кандидатской диссертации Е. Н. Прибытько, не отмечены вообще.

Е. Н. Прибытько в рассмотренных ею светских газетах отметила и случаи неточного и ошибочного использования библеизмов в результате того, что авторы употребляют библеизмы без учета их семантики и образности, например: *...все стали говорить о чрезвычайной ситуации. Молох подошел к критической точке*. [9]. Автор статьи не знает, что библеизм *молох* имеет два значения: 1) символ жестокой неумолимой силы, требующей человеческих жертв; 2) название языческого божества у финикийцев и аммонитян (16, 88). Ни *молох* — “символ”, ни тем более “божество” не могут подойти к какой-либо “критической точке”. Еще пример: *Позорный жулел* [27] (Сов. Россия 30.06.98). Автор не учел того, что слово *жулел* в переносном значении определяется как “нечто внушающее ужас, страх, отвращение; то, чем пугают” (Сл. Ож., 86, 186). Но то, что внушает страх, не может вызвать одновременно и презрения; к тому же сам библеизм в современном русском языке уже стилистически не нейтрален, имеет ироническую окраску, что исключает добавление к нему эпитета “позорный”.

Нередко в газетах осуществляется ошибочная с точки зрения норм русского языка контаминация библеизма с другими фразеологизмами, например: *В такое изменение “Литгазета” внесла свою заметную лепту* [14]. *Заметный вклад* контаминируется с библеизмом *внести свою лепту*, хотя *лепта* — самый маленький, минимальный вклад.

Подобных ошибок отмечено, к сожалению, в газетах немало. Приведем еще один пример. В газете *Хрипит иерихонской трубой Распутина, развалилась на сцене* [1]. Как известно, иерихонская труба имеет очень громкий, звучный, трубный голос. “*Хрипеть*”, “*хриплый*” с данным библеизмом семантически не сочетается. Не можем не указать к тому же на бестактность автора при описании поведения певицы (*развалилась на сцене*).

Можно сделать вывод, что отсылки к тексту Библии в светских и религиозных газетах в после-

дние годы начинают занимать то место, которое они занимали в литературной речи до Октябрьской революции. Что же касается иноязычных вкраплений-бibleизмов, то в современных газетах не отмечено ни одного случая их использования. Будучи одной из особенностей русской литературной речи Золотого и Серебряного века, в литературную речь XXI в. они не перешли.

Что же касается других текстовых реминисценций в современной литературной речи, то они были выявлены и рассмотрены в кандидатской диссертации Е. П. Черногрудовой, посвященной заголовкам с прецедентными текстами в современной публицистике [15], написанной на материале трех газет (центральной, областной и районной), выходивших в начале XXI века. Автор диссертации пришел к выводу, что самыми востребованными источниками прецедентных текстовых реминисценций для всех трех типов газет являются художественная литература и русские пословицы и поговорки, а также рекламные тексты, песни из мультипликационных фильмов, популярные телепередачи и телеигры, роман “Евгений Онегин” А. С. Пушкина. Кроме того, в качестве прецедентных феноменов в газетах используются исторические события мировой и российской истории, популярные эстрадные песни, песни из кинофильмов, а также Библия (3 % примеров). Меньше востребованы другие прецедентные тексты: анекдоты, выступления юмористов и сатириков, популярные народные песни.

В диссертации приводятся примеры удачного использования текстовых реминисценций в газетных заголовках — чаще всего это квазицитаты, выполняющие номинативную и людическую функции, например: *Треп мой — враг мой; Павел Буре с Анной на шее; Вам мат, великий и могучий... Ректоры ведущих вузов страны призывают дать решительный бой материне; Порошок в конверте — погоди, не шли; У меня замолчал телефон* и др.

Интересны примеры контаминированного цитирования — *Налево пойдешь — козленочком станешь; Шпионка Кэт в тылу бизнесмена; Почему атомная энергия для народа*.

Квазицитация как вид текстовой реминисценции чаще всего используется в “Комсомольской правде”, а в областной и районной газетах — цитация. Однако и в “Комсомольской правде” отмечены случаи бестактного использования некоторых текстовых реминисценций. Так, в одном из номеров этой газеты помещена статья с названием “*В эту ночь решили наши люди перейти границу*” (перефразирована строчка из некогда популярной песни — “*В эту ночь решили самураи перейти границу у реки*”; в публикации же говорится о россиянах и гражданах ближнего зарубежья. Другая статья в “Комсомольской правде” озагла-

лена *“Пусть ярость благородная вскипает, как волна”*, в ней говорится о кондитерской фабрике, хозяевами которой являются предприниматели Германии, требующие от работниц часто мыть руки, и те из-за этого фабрику называют сладкой каторгой. Использование в качестве прецедентного текста строчки из песни, с которой ассоциируется Великая Отечественная война с немецкими фашистами, в тексте о немецких хозяевах кондитерской фабрики, требующих от работниц чаще мыть руки, — политическая бестактность. Кстати, в статье говорится, что зарплата у работниц высокая, так что те дорожат своей работой.

Как показывают приведенные выше материалы, в современной литературной речи широко используются не только библейские, но и другие прецедентные текстовые реминисценции, среди них отсылки к прецедентным текстам, ставшим широко известными в последние десять-пятнадцать лет (Библия, эстрадные песни, телевизионная и уличная реклама, мультфильмы и другие телевизионные передачи последних лет). В то же время обращает на себя внимание использование в качестве прецедентных текстов русских пословиц и поговорок, произведений русской художественной литературы (в частности, *“Евгения Онегина”* А. С. Пушкина), некоторых советских кинофильмов (*“Семнадцать мгновений весны”*) и песен (*“Священная война”*, *“Три танкиста”*), посвященных событиям военных лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргументы и факты. — 1998. — № 17.
2. Будагов Р. А. Литературный язык и литературные стили / Р. А. Будагов. — М., 1967. — 375 с.
3. Ваше слово. — 1998. — № 9.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. / В. В. Виноградов. — М., 1982. — 448 с.
5. Виноградов В. В. Язык Пушкина / В. В. Виноградов. — М.; Л., 1935. — 455 с.
6. Воронеж Православный. — 1998. — № 1.
7. Земская Е. А. Клише новояза в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. — 1996. — № 3. — С. 23-31.
8. Коммуна - 2000. — № 33.
9. Комсомольская правда — 1998. — 27 декаб.
10. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвинова // Русс. яз. за рубежом. — 1994. — № 1. — С. 297-302.
11. Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX

века (на материале немецких вкраплений) / Ю. Т. Листрова. — Воронеж, 1979. — 155 с.

12. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и использование иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж, 1986. — 143 с.
13. Литературная газета — № 2, 1998.
14. Литературная газета — 1998. — № 9.
15. Литературная газета — 1998. — № 16.
16. Матвеева Н. П. Словарь-справочник библеизмов русского литературного языка / Н. П. Матвеева, В. И. Макаров // Русская словесность. — № 3. — 1993.
17. Московский комсомолец — 1998. — 26 декабря.
18. Московский комсомолец — 1999. — 25 декабря.
19. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (с 1917 по 1940 год): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Олейникова. — Воронеж, 2001. — 20 с.
20. Оноприенко Сабине. Библеизмы современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук / С. Оноприенко. — Воронеж, 1997. — 189 с.
21. Прибытько Е. Н. Библеизмы в языке современных газет: дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Прибытько. — Воронеж, 2002. — 180 с.
22. Скребов Г. Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Скребов. — Воронеж, 1997. — 24 с.
23. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
24. Советская Россия. — 1998. — 29 января.
25. Советская Россия. — 1998. — 4 февраля.
26. Советская Россия. — 1998. — 21 мая.
27. Советская Россия. — 1998. — 31 июня.
28. Советская Россия. — 1998. — 6 ноября.
29. Советская Россия. — 1999. — 6 января.
30. Советская Россия. — Русь Православная — 3 декабря 1998.
31. Советская Россия. — Русь Православная — 6 января 2000.
32. Супрун В. И. Текстовые реминисценции как языковые явления / В. И. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17-29.
33. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной печати): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Черногрудова. — Воронеж, 2003. — 21 с.